

Петр МАМОНОВ:

ТЬМА — ЭТО ОТСУТСТВИЕ СВЕТА

Проповедь, прочитанная на сочинском пляже нынешним летом

Справка «Новой»

Мамонов Петр Николаевич — лидер московского андеграунда 80-х, в совершенстве владеет английским и норвежским языками, его переводы публиковались во многих поэтических антологиях. В прошлом: банщик, лифтер, наборщик в типографии, корректор, работник бойлерной, заведующий отделом писем в журнале «Пионер», рабочий в продуктовом магазине... Основатель группы «Звуки Му» и стиля «русская народная галлюцинация» — дикая смесь музыки, поэзии и театра. Ныне православный отшельник. Недавно сыграл в новом фильме Павла Лунгина «Остров».

— Ведь как все нынче извращено. Вот критики тут недавно фильм «Остров» Павла Лунгина разбирали, о церкви говорили как о чем-то ветхожитийном, типа «Илья Муромец». Как жить дальше, если ни во что не веришь? Будешь пихаться налево-направо. А если вера есть, как не хочется сесть, все уступишь старухе место. Вот тебе и все христианство. Посуду помой вне очереди. Христианский поступок? Христианский. Ведро вынеси. Ну не настаивай на своем. Не ори: «Не разогрето!». Потерпи минуты две. Она, бедная, сейчас разогреет. Тоже устала. Ее по-своему мутит-крутит. Что ты все «жена должна», «муж должен». Любовь — это не сю-сю, му-сю. Не Асадов. Это тяготы друг друга нести.

Лежит человек рожей в снег. Почему думаем, что пьяный, может, у него сердце? А если и пьяный. Посади его на парапет, чтоб не замерз. Бежим мимо. Мимо себя. Сделаешь что-то такое... Лежишь вечером и думаешь: «Что тебе так хорошо? Что тебя тащит так? Вроде и не пил. Почему комфортно на душе? А... Сегодня бабке сумку помог — три ступеньки...». Он же нам сторицей...

Мне здесь одна девушка говорит: «Не люблю своих родителей». Обожди. А ты им помогаешь? В магазин ходишь? «Да, — отвечает, — все, что нужно, делаю». Значит, любишь, а что там в чувствах копать. Плюнь ты на это. Нельзя по чувствам жить. Сегодня — солнышко. Завтра — дождичек пошел. Упал, ногу сломал — третье чувство. Жить надо по закону: не «Дай», а «На». Как это так, недоумевают, снимут верхнюю одежду — отдай и рубашку? Привыкли жить навыворот. У нас на голове, если пощупать, образовалось плоское местечко, на котором удобно стоять. Так и живем — вверх ногами. Все, что Богу угодно, презираем. Сильный помоги слабому. У нас — задави. Богатый — отдай. У нас — хапани, да охрану поставь, чтоб не украли.

У нас извращенный взгляд на христианство. А это просто. Сколько крови можешь отдать за другого. Потому что написано: «Что сделал одному из малых сих, то ты сделал мне». Сколько можешь у постели матери просидеть, которая одурела от старости и болезней. Вот где приходится умирать каждый день. Как в Чечне ребяташки стоят. Чеку выдернул один придурок, сейчас — взрыв, подполковник, не думая, бросается. Его в куски. Восемь человек живы. Коммунист, некрещеный, никогда в церковь не ходил, о Боге вообще не думал, но он христианин. В рай — ракетой.

А то в храм пришел, поклоны бьет, свечек понаставил. А сердце — пусто. Христианский поступок? Мимо. Хоть обмолись весь, объезди все Афоны, облобызай мощи. Ничего не будет. Смотришь на нищего: «А... это все обманщики. По телевизору

показывали эту мафию». Да дай ему 50 копеек. Что у тебя убудет? Ошибись в эту сторону. Что ты веришь ящику? Настоящая мафия — кто у джойстика этого сидит, пять человек — манипулируют всеми нами. Шиш им с маслом. Не выйдет.

Я 11 лет в провинции живу. Так же народ трудится. Так же встает до зари. Так же девушка в троллейбусе в 30-градусный мороз — попробуйте-ка десять часов: «Ваши билетки, ваши билетки». За пять тысяч в месяц. Вот я — от этих депутат. Для них работаю. Хоть и трудно, стараюсь по закону жить. Из десяти два раза удается. Зажать свой рот окаянный, чтоб не выскочило обидное слово. Не отпихнуть человека. Не перебить. Выслушать. Пишут же отцы: надо перед друг другом стоять, как перед древней иконой.

Что значит не осуждать? Не выносить приговора. А мнение иметь мы обязаны. Господь пытался вразумить фарисеев, и гнев его был праведный. Праведный, когда гневаешься на себя. Что опять, дурак, напился вчера. Когда свой грех возненавидишь. Привычку мерзкую, вьевшуюся в тебя. Никак не можешь с ней справиться. Только возненавидя ее, начнешь побеждать.

Стараюсь поучаться, хоть лет уже много. Вот у нас автобус из Вереи... рейсовый до Москвы. Два часа ходу без остановок. Места все по номерам — не пересядешь. С ужасом смотрю: впереди меня сваливаются два пьяных дембеля. Матерщина, о бабах... Все по полной. Думаю, ну на два часа попал — караул. Потом говорю себе: «Але. Давай-ка это... Подумаем спокойно, внимательно. Кто эти ребята? Выросли в деревне. В то время, когда не было намечающегося сейчас подъема. Что видели? Отец пьет, колотит мать, постоянный мат. Телевизор орет дурацкий. До восемнадцати как-то дотянули. Взяли в армию. Колотили их. Потом они колотили. Вот «новоиспеченные» явились. Чего я от них требую... Я их чему-то научил? В их дом зашел? Книгу прочитал?». Смотрю, а мы уж приехали — не заметил, как.

Все зависит от нас: как мы слышим. Замылены ли глаза. Забиты ли уши. Затерта ли душа. Обложена ли совесть ватой. Вот чем надо заниматься. Святые учат: спаси себя и хватит с тебя. Сейчас кричат: «Правовое государство», «Закон превыше всего!» Все равно кучка людей все проплатила. Покажут тебя с ребеночком. Потом, как ты бабушке даешь пенсию... Так пятьсот раз на день. И выберут именно тебя. Не надо даже никого назначать.

Способ действия? Себя делай. Эту маленькую точку. И на эту маленькую точку светлее станет. А если только указывать: это не так, да пенсии мало, да правительство козлиное, да американцы поганые, да бен Ладен, будь неладен. ...Ничего не сдвинется. Только умножится злоба, которой и так хватает. Давайте злобу уменьшать. Об этом мы и хотели снять свое робкое кино «Остров».

Да я согласен с критиками. Фактической путаницы в картине много. Постарался объяснить, почему это произошло. Мы пребывали все в недоумении каком-то, старались из последних сил. Как дети малые, пытались не понять, а зафиксировать. Что происходит с человеком, когда поверил и устремился к Богу, как мой герой... Как тягостен и ответствен грех. Все время забываем, что тьма — отсутствие света. Не имеет сущности. Зла как такового нет. Мы его овеществляем. Своим раздражением. Неуважением друг к другу...

Что такое рай и ад? Отцы учат, что все залито морем-океаном божественной любви. Грешников Бог наказывает бичом любви. Представьте — океан любви, все друг друга любят. Вы за эту жизнь любить не научились. Воткнулись туда — что вам там делать? Вот он ад. Вечные муки. Раз тьма — отсутствие света, мрачная душа, войдя в свет, там исчезнет.

Древние евреи — в первую голову скотоводы, пастухи. Что самое ценное? Стадо. В стаде кто самый любимый, дорогой? Только что родившийся ягненок. Нес его на плечах, спасал от холода, голода, лечил. Именно его требуется принести в жертву. Зачем? Чтобы народ, уже уверовавший в единого Бога, увидел собственными глазами последствие греха. Грех всегда падает на невинного. Едешь пьяный на автомобиле. Сбил человека. Твой грех на невинного пал. Это закон, если внимательно посмотришь. Сильный, толстокожий, нахальный, надменный не пострадает. Пострадает тонкий. Чуткий. Невинный. Вот кто погибает. Как среди кинематографистов в 90-е — Надя Кожушаная, Петр Луцик.

Как только все это осознал, меня оторопь взяла... Как же я живу? Что ж я творю, подлец поганый. Мой герой в фильме — отшельник — это осознает. Что нет малого греха. Если даже в мелком не можешь справиться, в большом будешь неверен.

Туфта это собачья: государства, границы, национальность. Какая сейчас национальность — вавилонское пленение. «Я чистокровный еврей». Да какой ты чистокровный, если даже не знаешь, из какого колена, не знаешь, что было двенадцать колен Израилевых. Какой я русский? Когда у меня поляки, татары, кого только не было. Язык вбирает культурный слой, традиции. Вот и вся национальность.

Человеческое призвание — быть сынами Божьими. Не рабами, не наемниками, даже не друзьями. Понимаете, шесть лет идет свет от ближайшей звезды. Сейчас видим свет звезд двухтысячного года. Это что, для кошки? Вот наши масштабы. Наши глубины. А мы пытаемся заполнить их в лучшем случае добротным фильмом. Общением с друзьями. В худшем — водочкой, порнухой. Дух уныния царствует повсеместно. Поэтому гремит музыка, хлещет с экранов кровь, эвересты голых тел. Поэтому «Все и сразу». «Все будет кока-кола». «Уступи соблазну». «Не дай себе засохнуть». «Египет круглый год». Почему толстые дядьки бесконечно на экране строят рожи... Это что, нам диктуют? Нет, мы заказываем эту гадость.

Нам скучно наедине с собой. Попробуй лечь в комнате. Остаться на час. С ужасом обнаруживаешь, что тебе скучно.

Я ничего не вещаю. Делюсь собственным опытом. Такой же я — слабый, немощный. Такой же всякий. Но у меня появилась алчба. Мне надо позарез, аж в горле пересыхает. Истину. А одно из имен Христа Солнце правды. К этому солнцу я всеми своими комариными силенками стремлюсь. Читаю: «Мы не живем настоящей минутой. Мы даже вот когда сидим за столом, наша мысль — то в огурцах, то в квасе, то в супе. Попробуйте хотя бы минуту в день, когда вы ничего не делаете... собраться под кожу и жить сейчас. В данную минуту. Это очень трудно. И следствием такого внешнего усилия будет то, что вы ощутите присутствие Бога».

Ощущаю ли я себя актером? Я — Мамонов Петр Николаевич. Себя люблю за то, что в работе всегда по-честному. До конца. Изю всех сил на данный момент, all the best. Через пять лет смотришь, думаешь: «Как же я мог такую гадость сыграть?». Но сердце мое спокойно, потому что знаю: на тот момент делал все. Так и кино «Остров». Получилось — нет? Произведет впечатление? Старался помочь окружающим, и себе в том числе.

Когда Господь въезжал в Иерусалим на ослице, бросали цветы, ветви пальмовые и кричали приветствия. Ослица была в полной уверенности, что ей кричат. Так и мы — ослицы, на которых едет Господь. Все мои таланты разночисленные — не моя заслуга. Щедрой рукой сыпанули... С этим живу. Стараюсь не продать. Не проституировать. Не тащиться от своего «я». Понимаю, что я, Петя Мамонов, тут ни при чем. Я пропил, скажем, пятьсот песен, которые людям, может, помогли бы. Втоптал в водку, в грязь. Кичиться этим, что ли? Мол, мы, поэты, и из грязи можем истину вещать. Чепуха. Нам как раз-то и положено, которым дано. Как можно чище, аккуратнее жить. Потому что все так хрупко, незащищенно. Вы же видите, как сорняки на грядке так и прут...

Записала Лариса МАЛЮКОВА, обозреватель «Новой»

24.07.2006